

ББК 821.161.1-2(Булгаков М. А.)
УДК 83.3(2Рос=Рус)6-8,446

Т. А. Соловьева
T. Solovyeva
г. Екатеринбург, УрГПУ
Yekaterinburg, USPU

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФА О ПУШКИНЕ В ПЬЕСЕ БУЛГАКОВА
«АЛЕКСАНДР ПУШКИН»
TRANSFORMATION OF MYTH ABOUT PUSHKIN IN THE PLAY
«ALEXANDER PUSHKIN» BY M. BULGAKOV**

Аннотация: В статье рассматривается пьеса М. А. Булгакова «Александр Пушкин» как воссоздание авторского биографического мифа о поэте. Миф определяется как культурный код, который трансформируется под влиянием творческого мировосприятия Булгакова. Изменение мифа рассматривается в рамках образа Пушкина и его взаимоотношений с миром и властью.

Ключевые слова: драматургия Булгакова; Александр Пушкин; поэт и власть; трансформация мифа.

Abstract: The article provides the play «Alexander Pushkin» by M. Bulgakov as a reconstruction of the author's myth about the poet. Myth is a cultural code that is transformed because of the influence Bulgakov's worldview. The transformation of the myth is shown with the image of Pushkin and his relationship with the world and governance.

Keywords: dramaturgy of Bulgakov; Alexander Pushkin; poet and governance; transformation of myth.

Трансформации мифа о Пушкине в литературе XX века разнообразны. Жизнь и творчество Пушкина находят широкое отражение в творчестве многих крупных писателей: они размышляли над ролью Пушкина в истории русской литературы, о его влиянии на развитие общественной мысли. Биографию Пушкина пытались написать Тынянов, Ходасевич, Марина Цветаева в 1937 году пишет психологический очерк «Мой Пушкин», Вересаев, соавтор Булгакова по «Пушкину», серьезно занимается пушкинистикой.

Известно, что М. Булгаков взялся за пьесу о Пушкине в преддверии столетия со дня гибели поэта, которое широко отмечалось в Советском Союзе и мотивировало всплеск интереса к фигуре Пушкина как со стороны интеллигенции, так и со стороны «официальной» идеологии (именно на это время приходится активная фаза формирования «советского мифа» о Поэте).

Нас интересует миф не в традиционном его понимании как элемент архаического сознания, а семантическая трансформация этого термина в XX веке.

В. Руднев в «Словаре Культуры XX века» говорит о том, что миф стал одной из важнейших культурных категорий, благодаря трактовке этого термина

как «особого состояния сознания». Миф нейтрализует фундаментальные культурные «бинарные оппозиции», тем самым отдавая важную часть власти над сознанием человека бессознательному. Факт не делится на правду и ложь, фантазию и реальность. Руднев отмечает, что почти каждый художественный текст XX века так или иначе обращается к мифу. При этом в роли мифа могут выступать и исторические предания, и историко-культурная реальность. При этом писатель, используя миф, практически заново создает его, адаптируя для современности и подстраивая под собственную концепцию [7, с. 169].

При описании мифа о Пушкине в пьесе Булгакова уместно обратиться к концепции Брукса о «полезном прошлом». Прошлое содержит богатый материал для переработки. Оно представлено фрагментарно и избирательно, удобно отневаются «выгодные» части. Историческая правда, по Бруксу, не искажается целиком, а представляется в наиболее привлекательном виде [10].

О пьесе Булгакова можно говорить как о биографическом мифе, опирающемся на реальную биографию поэта, которая коллективно и индивидуально переосмыляется.

Г. Н. Шеметова в своем исследовании утверждает, что, начиная со столетней годовщины смерти поэта в 1937 году, происходит «огосударствление» образа «товарища» Пушкина. Важно, что в сознании носителей мифа не различимы реальная личность Пушкина и «лирический» образ поэта, созданный Пушкиным в своих стихотворениях. Поэт совмещал собственные биографические черты с чертами обобщенного «идеального» поэта-лирика. Таким образом, сформировался и закрепился в культуре пушкинский автомиф, который стал «объективированной реальностью», независимо от факторов-источников.

Для характеристики содержания мифа о Пушкине Шеметова приводит несколько афористичных «формул», закрепившихся в культуре. Среди них «русский человек через сотню лет», «солнце русской поэзии», «Пушкин – наше все», «всемирная отзывчивость».

В обобщенном варианте в советской литературе миф о Пушкине представлен следующим образом. Это «новый человек», опередивший несколько поколений, первый поэт и основатель русской литературы. Образ его «обожествляется», становится глубоко духовным и даже христианским. Он воплотил в себе национальное сознание, и особенно такие черты, как «смирение перед действительностью и одновременно готовность к протесту». Образ его является символом национальной идентичности [9, с. 14]. Пушкин – носитель непреходящих ценностей.

Остановимся подробнее на мифологемах, которые использует Булгаков в своей пьесе.

Мифологема «Потомок негров» двояко представляет происхождение Пушкина. С одной стороны, он происходит от древнего дворянского рода, с другой стороны, потомок «арапов». Так, у Булгакова мы видим «негра» и «черного», что разрушает гармоничность образа, приземляет его, при этом оставляя образ Пушкина в рамках мифа.

Мифологема «пророк» придает образу Пушкина божественную семантику. Он – носитель высшего знания, божественного откровения. Образ поэта стано-

вится сакральным, поэтому он не выводится Булгаковым на сцену. Подобное сокрытие главного героя можно соотнести со второй Божьей заповедью: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху...». Такая мифологема-образ у Булгакова тесно взаимодействует с мифологемой-акцией «дуэль». Это сочетание дает возможность для специфичной трактовки последних дней жизни Пушкина. Сюжет мифа впитывает в себя евангельские мотивы. Булгаков рисует судьбу поэта как «светское распятие». Пушкин обречен на распятие теми, кому предназначалось его творчество, за тех, чьи жизни он хотел спасти. Он распят за «откровение» поэзии. В пьесе присутствуют и ученики-апостолы (студенты, передающие и переписывающие Слово Пушкина, скорбящие о смерти Учителя), и книжники-фарисеи (общество у Салтыкова, члены III Отделения, несущее свое «официальное» слово), и предатели (Битков и Богомазов), и палач (государь). В границы этой архетипической ситуации укладывается концепция Иваньшиной [6, с. 38–46] о переходе поэта из мира живых в мир мертвых. В соответствии с христианским канонem физическая смерть обозначает начало вечной жизни. Николай I в данной концепции становится убийцей, которому не угодно свободное слово, а Дантес – лишь орудием убийства. Для культуры XX века характерна именно такая расстановка сил, Дантеса быстро перестали воспринимать как главного виновника трагедии, оставляя ему лишь роль игрушки в руках власть имущих.

В рамках создания авторского биографического мифа становится понятным и название пьесы «Александр Пушкин». Оно вполне соответствует мифотворческой деятельности Булгакова, через фрагмент жизни поэта стремящегося показать цельную судьбу и личность и воплотить в ней собственную оригинальную концепцию.

При этом индивидуальные черты Пушкина смазаны, он представлен скорее как образ идеальный, образ поэта-борца, носителя высшего знания и предназначения, выразителя народного сознания и голоса эпохи, что вполне характерно для мифа. Такое восприятие центрального персонажа позволяет проводить явную параллель с трагической судьбой самого Булгакова и отметить связь пушкинского и булгаковского времени. Эпиграф пьесы – строки из поэмы Пушкина «Евгений Онегин»:

*«И, сохраненная судьбой,
Быть может в Лете не потонет
Строфа, слагаемая мной...»*

Эпиграф объединяет голоса двух художников. Так, используя Пушкинские строки, Булгаков говорит о себе, надежде на вечную жизнь в народной памяти. Писатель практически не просто сливает воедино два разных исторических момента, но и делает центральный конфликт вневременным, покрывающим собой и Булгакова, и Пушкина.

Невыведение Булгаковым главного героя на сцену формально соотносится с его мыслью о том, что сыграть Пушкина невозможно, вульгарно. Однако в таком положении главного героя можно увидеть некоторое противоречие. Так, с одной стороны, образ его приобретает сакральный, пророческий смысл. Как раз об этом свидетельствует и мифологизация образа Пушкина, и особое внимание

к столетию со дня смерти поэта. С другой стороны, невозможность «вывести» Пушкина на сцену как будто становится метафорой «замалчивания» фигуры поэта обществом (окончательно «метафоризирует» этот булгаковский прием то, что произошло с его пьесой после написания: спектакли были запрещены, впервые «Александр Пушкин» был поставлен только в 1943 году). Такой парадокс в сочетании со стремлением власти сделать невидимым самого Булгакова и своеобразная параллель между политическим террором Сталина и Николая I приводит нас к мысли о наполнении Булгаковым своей пьесы острой и актуальной семантикой современности.

Таким образом, сюжет пьесы представляет авторское воплощение биографического мифа о Пушкине, а ключевым элементом булгаковской пьесы становится конфликт поэта и власти. Сформулируем основные моменты трансформации мифа в пьесе: 1) Пушкин – мифологический образ, он не обладает индивидуальными чертами, а живет в сознании носителей мифа (и, следовательно, в пьесе) как идеальный образ поэта-пророка; 2) Булгаковский миф основан на евангельских мотивах распятия Христа; 3) убийцей Пушкина является не Дантес, а власть имущие; 4) в соотношении двух эпох и евангельского текста конфликт становится не локальным, а вневременным; 5) пьеса Булгакова становится способом авторефлексии (автоописания).

Библиографический список

1. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1994. – 616 с.
2. Булгаков, М. Александр Пушкин / М. Булгаков. – <http://lib.ru/BULGAKOW/pushkin.txt> (Дата обращения: 07.05.2015).
3. Есипов, В. В. Диалог «художник и власть» как инновационный ресурс культуры : автореф. дис. ... д-ра культурологии / В. В. Есипов. – СПб., 2007. – 25 с.
4. Есипова, О. Пушкин в пьесе М. Булгакова / О. Есипова // Болдинские чтения. – Горький, 1985. – 188 с.
5. Захаријева, И. Матрица подтекста в пьесе Михаила Булгакова «Александр Пушкин» / О. Есипова // Болгарская русистика. – 2008. – № 3–4. – С. 45–60.
6. Иваньшина, Е. А. Смерть Пушкина как ритуальный текст (пьеса «Александр Пушкин» и «врачебный» рассказ «Вьюга» М. А. Булгакова) / Е. А. Иваньшина // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – № 4. – Т. 4. – С. 38–46
7. Руднев, В. Словарь культуры XX века / В. Руднев. – М. : Аграф, 1997. – 384 с.
8. Чудакова, М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова / М. О. Чудакова. – М. : Книга, 1988. – 671 с.
9. Шеметова, Т. Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т. Г. Шеметова. – М., 2011. – 47 с.

10. Brooks, W. Emerson and Others / W. Brooks. – http://archive.org/stream/dialjournallitcrit64chicrich/dialjournallitcrit64chicrich_djvu.txt (Дата обращения: 07.05.2015).